

Глава 1

Нормальность — это асфальтированное шоссе.
Ехать удобно, но цветы не растут.

Ван Гог

В лифте играла приятная музыка. Такая, специально для подобных мест написанная, послушал и забыл. И пахло... м-м-м... чем-то цветочным. Я посмотрел в зеркало, охранники отвели глаза. Оно и ясно: когда у хозяев случается обострение, обслуге не позавидуешь. Может прилететь. Причем как от больных, так и от здоровых. От последних даже быстрее.

— Анатолич! — К моему уху наклонился Цыган, чернявый остроносый фельдшер нашей психиатрической бригады. — А кучеряво тут живут. Лифт в частном доме!

— Это же Рублевка, — философски пожал плечами я. — Тут и пятиэтажные дворцы не редкость.

Двери лифта распахнулись, старший охранник кивнул нам в сторону мраморного коридора. Как будто тут было куда еще идти. Ан нет. Коридор раздвоился, пошли какие-то комнаты,

залы. Потеряться тут — как два пальца об... асфальт.

— А если он буйный? — Цыган все никак не успокаивался.

— Тогда мы его попытаемся уболтать. А если не получится, вы с Ефимом его по моей команде схватите и зафиксируете. Сделаем инъекцию и увезем в стационар.

— Прямо как на тренировке?

— Прямо как на тренировке.

Я посмотрел на здоровяка, что шел рядом со мной. Ефим был спокоен как танк, меланхолично жевал жвачку. Это Цыган у нас новенький, а с Ефимом мы в частной психиатрической бригаде за последние пару лет пуд соли съели. Чего только не видели. И самоубийц, и клиентов в психозе. Вспомнишь — вздрогнешь. Если с непривычки. А так — работа не хуже других.

Охранники нас завели в роскошный зал, полный зеркал и статуй, по которому, словно лев в клетке, металась женщина в шелковом халате. Ее молодость была давно в прошлом, но лицо было вылеплено пластическими хирургами будьте-нате. Отрезанный нос, губы-вареники, натянутые скулы.

Блондинка, заметив нас, тут же закричала пропитым хриплым голосом:

— Ну сколько вас ждать можно?! Ваденька умирает!

— Ехали со всей возможной скоростью, — дипломатично ответил я, осматриваясь.

Кричащая роскошь. Именно так можно охарактеризовать местный дизайн. И это было слегка удивительно. Последние годы рублевские жители отошли от стиля «дорохо-бохато». Бал правили минимализм, технологичность. А тут — золотая лепнина, какие-то огромные хрустальные люстры-пылесборники.

— Пойдемте скорее! Сыну очень-очень плохо!

Блондинка быстрым шагом повела нас в комнату Ваденьки, попутно путано рассказывая о его состоянии. Чудить он начал еще вчера вечером. Сначала ловил каких-то невидимых мух, потом разбил зеркало — заявил, что через него за ним следят.

— У специалистов наблюдались ранее? — начал я собирать информацию.

— Никогда! У нас очень здоровый мальчик!

— Почему сразу не вызвали бригаду?

— У меня был прием в «Барвиха Лакшери Вилладж», Петенька сказал, что все уладит.

Тут я напрягся.

— Что значит «уладит»? И кто такой Петенька?

— Петр Алексеевич — это мой третий муж. Он дал Ваденьке что-то, и тот успокоился.

— Что «что-то»?!

Из меня чуть не выскочил заковыристый мат. В таких случаях самолечение — это самое дерьмовое, что можно придумать. Если это острый психоз, то и обострить можно, а если веществ набрался, вообще неизвестно, как одна дрянь с другой в сочетании сработает.

Доплутали наконец-то по этим лабиринтам до пункта назначения, зашли в комнату. С первого взгляда стало понятно: тут не психиатрия, а наркология. «Мальчик» был двухметровым, здоровым амбалом с шальными глазами. Парень явно набрался какой-то синтетики выше крыши, вот ее, крышу, и смыло. Напуган, дезориентирован, зрачки расширены. Не понимает, где находится. Представляете, каково оно — каждую секунду узнавать заново, что ты не знаешь, где оказался и кто все эти люди вокруг. Или не люди. На измене пацан, сразу видно.

— Извините, как к вам обращаться? — спросил я хозяйку. А то сначала не познакомились, а потом она сразу беседу увела в сторону, момент представления друг другу пропустили. К тому же у нее бейджика с ФИО и фотографией на груди не наблюдается.

— Лариса Матвеевна! — высокомерно произнесла она. Ну да, как еще к обслуге обращаться.

— Вы выйдите, пожалуйста, Лариса Матвеевна, а я с Вадимом побеседовать попытаюсь. Опять же, осмотреть его надо.

— Вы меня что, в моем доме выгоняете? Да... — Тут она вспомнила, наверное, что мы все же не ее работники, и остаток фразы уже спокойнее выдавила из себя: — Я никуда не пойду.

Я даже плечами пожимать не стал. Оно мне надо? Пусть стоит. Жаль, конечно, что она своей задницей дверной проем перекры-

ла, случись чего, моим орлам обходить ее придется. Они и попытались, но куда там. С ними она и разговаривать не стала, шикнула только. Ладно, потом попрошу пустить, не буду обострять.

Попытка побеседовать с парнем ни к чему не привела, слишком уж глубоко он погрузился в свой кошмар и на все вопросы только удивленно хлопал глазами, испуганно озираясь по сторонам.

Я оглянулся на мамашу:

— Надо в наркологию везти, он явно наелся какой-то дряни. Зрачки расширены, да и психотические симптомы...

— Дома лечите! — заявила Лариса Матвеевна. — Я вам деньги плачу.

— Деньги здесь не помогут, — отрезал я. — Дома не получится.

— Да вы что? А потом на учет поставят, пятно на всю жизнь! Только дома!

— Стационар анонимный, — спокойно объяснил я, но внутренне уже кипел. — Никто вашего Вадима ни на какой учет ставить не будет. Полежит пару дней, поставят капельницу, организм почистят от того, что там оказалось, и домой. Определят заодно, что там ему в организм случайно попало.

— Я даже не знаю, — засомневалась мамаша. — Может...

— Дома — никак, — повторил я. — Давайте, собираемся и едем. Поверьте, так лучше будет для него же. Сейчас вот давление измерим...

Я потянулся к парню, собираясь подтянуть рукав футболки вверх. Парень испуганно вздрогнул.

— Нет, я сказала! — Дамочка почему-то начала визжать. — Вызовите мне других специалистов! Только дома! Пришлют извозчиков, хрен знает что, а не врачи!

— Сейчас я позвоню, и вы поговорите с моим нача...

— Я уже сама сейчас буду звонить! Я выясню, почему мне за мои деньги коновалов прислали! — Лицо у хозяйки сильно покраснело, как бы потом не пришлось еще и ей помощь оказывать.

Она вытащила телефон, конечно же, в золотом корпусе, с гербом на задней крышке, начала тыкать ногтем в экран. Фельдшеры мои, увидев образовавшуюся щель в дверном проеме, попытались проникнуть поближе ко мне — все же клиент здесь, так что надо быть рядом на всякий случай. Но и охрана не зевала, и, решив, что происходит покушение на крепкий тыл Ларисы Матвеевны, фельдшеров оттеснили весьма грубо. Цыган даже начал возмущаться. Вот же... понаберут по объявлению... Нельзя на вызове ни с кем ругаться, даже с охранниками. Молчи в тряпочку и не высывайся. Иной раз, конечно, хочется сказать всю правду в кратком изложении, но слишком уж хороша зарплата. За такую хамство и потерпеть можно. Недолго, правда.

За всеми этими перебранками я на какую-то секунду отвлекся от главного персонажа. Как

оказалось, совершенно зря. Потому что мне в поясницу, прямо в правую почку, вдруг воткнулось что-то очень неприятное и болезненное, тут же покинувшее мой организм. Но только для того, чтобы воткнуться снова. И снова. Откуда нож? Не было же рядом ничего похожего!

— Ах ты, сука! — я закричал, разворачиваясь, и тут же получил нож в бок, в грудь. Парень меня «шил», будто швея.

Время затормозилось, словно в кино. Медленно открывала рот Лариса Матвеевна, отлетал в сторону ее расфуфыренный телефон, выбитый из рук Фимой. Мой фельдшер с лицом разъяренного быка толкал в сторону хозяйку, а из-за его плеча выглядывали удивленные рожи охранников.

Десятый удар достал меня уже на полу, куда я рухнул, заливаясь кровью. Ефиму, самому ближнему ко мне, оставалось меньше шага, а моей последней мыслью было: «Как же быстро он бьет, гаденыш...»

Умер я после пятнадцатого удара.

***

Первый раз я очнулся где-то в приемнике. Как узнал? Так я в приемных отделениях суммарно чуть не четверть рабочего времени проводил. А это на годы и десятилетия умножить — ой как немало получается. Есть там в воздухе...

что-то особое. Помню только, везли на каталке и кто-то сказал: «Что ж вы, гады, творите? Как выходной, так и возите». И было со мной... что-то хреновое...

Потом — какой-то бред в голове, непонятный страх, от которого хотелось быстренько спрятаться под кровать. А там чтобы стояла маленькая кровать, под которой я бы тоже спрятался. Мне угрожали все и все. Это трудно объяснить. Это как фильм ужасов, причем самый дешевый, такой, где злодей ходит и рубит всех топором или пилой заживо ноги отрезает, только со мной такое наяву происходило. И гад этот ходил за мной с ножиком. А я, как во сне, не мог пошевелиться. Ужас накрывал меня все новыми волнами.

Подошла какая-то женщина, которая вдруг начала раздваиваться, и процесс продолжался, пока меня не окружили десятка полтора близнецов. Только я подумал про «Матрицу», как возле меня оказался стакан с водой. Я вдруг понял, что пить хочется так, что я бы и лужу вылакал. Но схватить проклятую посудину я не смог — рука трижды прошла сквозь него.

А потом я снова увидел убийцу, думал убежать, но ничего не получилось: меня схватили и как-то очень ловко и быстро привязали к кровати. Сволочина с ножом подошел к банде одинаковых теток, вдруг тоже превратился в женщину в белом халате, схватил свой нож, меня кто-то чуть перевернул на бок, и в задницу мне вонзилось что-то острое...

***

— ...острый галлюциноз, психомоторное возбуждение. Поступил четырнадцатого сентября в двадцать часов пятнадцать минут из общежития первого меда, Анатолий Аркадьевич. Студент, пятый курс. Кричал, что его хотят убить, пытался спрятаться под кровать, пытался ударить Бородину. Был фиксирован. Аминазина два кубика...

Женский голос у меня над головой перечислял лечение неизвестного студента. Обход, вежливо дело. Знакомиться пришли. Медсестру вдруг перебил недовольный мужской голос:

— И почему он у вас привязан до сих пор? Вы как смену принимаете?

— Сейчас развяжем, — спокойно ответила женщина, и меня тут же освободили от вязок.

Это я уже хорошо очнулся. Вон сколько всего услышал и даже все понял. Страх почти ушел, я понимал, что что-то в организм мне попало нехорошее. Только вот голова была ватная, а спать хотелось — просто улет. Я сдерживал проваливание в сон из последних сил, хотелось понять, что со мной. Куда попал, это ясно: сумасшедший дом, место знакомое. Но почему? Мои помощники мне чего-то укололи, и меня понесло во все тяжкие? Да не было вроде у нас в сумке ничего такого.

Но меня ведь зарезали! Мне самое место в хирургии! Меня же там должны зашивать со всех сторон! Суки, чертов аминазин, теперь

бревном проваляюсь сутки, не меньше. Не привык потому что. И какое, на фиг, четырнадцатое сентября? Мы на вызов пятого октября поехали!

Ладно, попробую глаза открыть, надо посмотреть, что творится вокруг. Но меня опередили, и кто-то довольно бесцеремонно оттянул мне верхнее веко правого глаза. Какой-то мужик в шапочке древнего фасона равнодушно глянул на меня и тут же закрыл мне глаз. Не до конца, правда.

— Студент, что там стряслось? Колбасы неправильной поел? И водкой прокисшей запил? — И, не поворачивая головы, спросил у медсестры: — Что там с анализами?

— Еще не приносили, выходные же...

— Фонендоскоп мой где?

Через щелочку я увидел, как доктор встал и одернул старорежимный халат с завязочками сзади. Он что, поклонник советской власти? Или забежал сюда со съемок сериала про больницу семидесятых? И из-под халата выглядывают ворот белой нейлоновой рубашки и стряхлодного вида галстук. Сто процентов, потеет в таком раритете ужасно.

— Наверное, на посту забыли, сейчас принесу, — произнес женский голос, перед этим рассказывающий анамнез болезни неизвестного студента, и я услышал шаги, сначала удаляющиеся, потом приближающиеся.

Фонендоскоп тоже на высоте. Тут у них точно можно музей советской медицины открывать.

Заменить звукопровод бурой резиновой трубкой — это нечто.

Меня послушали, довольно бесцеремонно ворочая при этом, потом пощупали живот.

— Ну, студент, что молчишь? Стыдно, что ли? Не переживай, здесь все свои. — И шепотом добавил: — Голоса-то есть?

Заботливую, но слегка насмешливую интонацию, которая должна показать, что доктору не все равно, и вместе с тем вселить надежду, что не все так плохо, я и сам могу изображать. Только почему я студент? Я учился тогда, когда этот поклонник синтетических тканей еще учился трехбуквенное слово на заборе без ошибок писать. Хотел сказать ему пару ласковых, но язык слушаться не захотел категорически. Так что на выходе получил невнятное мычание.

— А чего это он у нас не проспался до сих пор? Сколько аминазину укололи?

— Два кубика, по истории...

— А потом еще два, чтобы спать спокойно? Точно Бородина от обиды накачала юношу. С кем мне разговаривать?

Тут я не выдержал и отрубился.

***

Разбудили меня для приема пищи. Кормила санитарочка, такая, знаете, классическая, явно за пятьдесят, маленькая и с сильно сморщен-